

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ДНЕВНИКЕ СОЧИНЦА А. З. ДЬЯКОВА

Реконструкция картины повседневной жизни советского общества в годы Великой Отечественной войны невозможна без введения в научный оборот такой малочисленной, но, очевидно, незаменимой для решения подобного рода задач группы источников как дневники обычных людей, «среднестатистических» советских граждан.

Дневниковые записи обычно велись в достаточной мере образованными, чуткими к собственным переживаниям и общественным настроениям людьми. К их числу принадлежал сочинец Александр Зиновьевич Дьяков, который начал свой дневник на волне эмоционального подъема первых дней войны (для этого наскоро сшил тетрадь из кусков обоев) и продолжал его с большой систематичностью на протяжении двух с половиной лет.

Александр Зиновьевич Дьяков (1892—1959 гг.) происходил из терского казачества, участвовал в Первой мировой войне. В 1918 г. — член военной секции Пятигорского казачьего Совета, делегат 1—5 съездов народов Терека, член Терского народного совета (с января 1918 г.), председатель казачьей фракции Совета (с июля 1918 г.), редактор газеты «Терский трудовой казак». Участвовал в разгроме бичераховщины в Георгиевске. С сентября 1918 г. председатель Военно-революционного совета станиц Сунженской линии, организатор и командующий «Советскими войсками Сунженской линии». С января 1919 г. член комитета обороны Терской области. В декабре 1919 — марте 1920 гг. начальник штаба и председатель партийного комитета повстанческого Дербентского фронта. В 1919 г. награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем А. З. Дьяков находился на партийной работе, в 1937 г. пережил «клевету». К началу Великой Отечественной войны он заведовал технической библиотекой на узловой железнодорожной станции Сочи [1].

Дневник А. З. Дьякова (хронологические рамки: 30 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г.) охватывает тяжелейший в жизни страны период, который стал одним из самых напряженных и в непростой биографии автора. Данный документ привлекает внимание такими характеристиками, как развернутый формат записей, их систематичность и строгая датировка. Содержательно он делится на следующие части: первый год войны, который Дьяков с женой переживал в Сочи; эвакуация в Грузию; жизнь в Сочи по возвращении из эвакуации.

В случае с дневником Дьякова мы располагаем документом огромной значимости, интересным как минимум в трех аспектах. Прежде всего дневник дает представление о материальной стороне жизни так называемых «бедных середняков», к которым причисляет свою семью автор. Тема достойного переживания каждодневных трудностей, бесспорно, находит-

ся на одном из первых планов данного документа. Много места отводится хозяйственным вопросам, организации быта семьи, досуговым практикам. Благодаря такого рода записям «всплывают» на поверхность социальные противоречия, характерные для рассматриваемого периода истории советского общества.

Кроме «утилитарного» уровня дневник дает представление о патриотических настроениях в определенной социальной среде. Записи Дьякова проявляют всю глубину растерянности простых советских людей перед лицом войны, которая в то же время сочеталась с огромной верой в победу и стремлением внести личный вклад в ее достижение.

Еще одним важным планом данного документа является передача глубоко личных душевных переживаний автора. Они связаны с анализом собственной судьбы и взаимоотношений с близкими. Особенно тяжелые размышления фиксируются А. З. Дьяковым в связи с гибелью на фронте сына.

Дневник Александра Зиновьевича Дьякова находится на хранении в Центре документации новейшей истории Краснодарского края и представляет собой достаточно объемный текст [2]. Значительная часть дневника была впервые введена в научный оборот совсем недавно; ценной составляющей она вошла в сборник документов «Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения» [3]. Настоящая публикация позволяет дать еще более полную версию дневника. Авторский стиль и манера написания по возможности сохранены, пунктуация выправлена в соответствии с современными требованиями. Сокращенные места отмечены многоточием, взятым в угловые скобки. Вставки отдельных слов произведены в соответствующем месте в тексте документа.

Примечания

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 202; Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917—1920 гг. М., 1941. С. 221—222; Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451. Л. 87.

2. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451. Л. 1—173.

3. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов / ред.-сост. И. Г. Тажидинова. Краснодар, 2010. С. 19—72.

Сведения об авторе:
Тажидинова Ирина Геннадьевна,
канд. ист. наук, доцент кафедры социологии
КубГУ (Краснодар).

ДНЕВНИК А. З. ДЬЯКОВА
30 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г., 9 мая 1945 г.

30 июня 1941 г. – Сочи (5 ч. 30 м.)

Тетрадь из обоев сделана ночью 25–26 июня на дежурстве в узловом парткоме ст. Сочи (другой бумаги под рукой не оказалось).

Пытался записать впечатления первых дней отечественной войны во время дежурства, но шум приемника не давал сосредоточить мысль, чтобы собрать все пережитое за четыре дня. Ловил передачи — на различных языках, но кроме слов «фашизм» и «большевики» ничего не понял. Пожалел, что много затрачено время зря, а не знаю ни одного иностранного языка. Как это пригодилось бы сейчас, особенно если буду на западе.

Объявление о нападении на нас кровожадного фашизма меня не удивило и не испугало, как некоторых. Следя за политикой советского правительства, изучая международное положение, я [неразборч.] войну с Германией в 1941 г. — но не раньше августа-июля. Однако не в таком размере — как она начата «от финских хладн[ых] скал до пламенной Колхиды».

Сообщение т. Молотова по радио 22/06 — я слушал дома, перед уходом на работу. Первые минуты — как только прозвучали слова диктора — «слушайте — у микрофона будет говорить [неразборч.] и нарком по иностран[ным] делам Вячеслав Михайл[ович] Молотов» — были самыми напряженными. Вернее не минуты, а секунды, в которые мысль с небывалой скоростью пропустила через черепную коробку неизмеримой длинны ленту воображений — «о чем будет говорить? — война с Германией?». Это было первое что мелькнуло в голове, затем — пошло — Турция, Румыния, Финляндия и т. д. Первые слова т. Молотова — «граждане и гражданки»... проникли в сердце, которое уже стучало сильно, сильно и эти удары были слышны, как барабанный бой. Прослушав обращение т. Молотова, я возбужденный ринулся на станцию в партком. Хотелось говорить речь — о безумном нападении на СССР кровожадного фашизма. В парткоме в 19 ч. мне поручено открыть митинг. Я побежал в клуб — нашел худож[ника], набросал ряд лозунгов для оформления места митинга. <...>

30 июня 1941 г.

6 часов — последние известия слушаю — немецко-фашистские войска от Баренцева моря [неразборч.] перешли в наступление, но повсюду нашими войсками были отбиты. Белофинская сволочь не успокоилась от прошлого столкновения с СССР. Вчера попытался нанести на карте расположение войск, но это было невозможно из сводок информбюро. Сегодня информация внесла большую ясность — отход наших войск приостановлен. <...>

Захваченные немцами — Белосток, Брест, Гродно, Вильно, Каунас будут возвращены в ближайшее время? Наш советский народ еще только начинает разворачиваться — развернувшись, он остановится на берегах Атлантического океана. Эта уверенность царит у всех партийных и беспартийных. Проходя мимо толпящихся групп рабочих железной [дороги] слышишь и видишь — каждый готов туда, где завязалась вооруженная борьба...

Многим казалось — особенно года 1914–1918, что после объявления о мобилизации каждый будет взят через день-два — каждый собрался — ждал. Так и я тоже — приготовил пару белья, две пары носков, кусок мыла и т. п. Но проходит два, три и семь дней, многие опустили головы — железнодорожники приуныли, так как поступило распоряжение жел.дорожн[иков] не брать в армию через военкомат. Женщины возмущены, роют всюду окопы, укрытия, тревожась за мужей и себя. <...>

Вчера создана дружина по борьбе с П. Д.¹ Меня утвердили политруком — я очень доволен. Выбор парткома моей кандидатуры правильный — победил здравый большевистский разум. Узнав об этом, я вновь загорелся страстью борьбы. Пробудилось страстное желание разрушать, убивать, пускать кровь врагов Советского русского народа, потому что они — начали разрушать, убивать нас и полилась кровь. Долой фашизм! Прорывается из груди. В руках у меня повестка из военкомата о явке к 13 ч. 30 м. Я настроен хорошо — жена волнуется — боится, что сегодня я получу назначение в часть и больше не увидимся. Я успокаиваю — что-то подсказывает, как и в 1918–1920 годы «я буду жить» — говорю, что мне особенно нельзя отставаться позади — мне место впереди, ведь не напрасно же я прожил 49 лет. Кроме того, я «краснознаменец» — герой Гражданской войны — могу быть полезным на любом боевом

¹ ПД — политическая диверсия

участке. А 23-хлетнее пребывание в партии Ленина Сталина воспитало меня для борьбы за мировую коммуны. Война с фашизмом — это и есть конкретная форма борьбы всего прогрессивного человечества во главе Коминтерна за окончание свержения капитализма, за коммунизм во всем мире.

По повестке был в военкомате. Был у Федорова. Определенно ничего не сказал, отобрал повестку (вероятно для проверки). Не задал и я вопросов. <...>

1 июля

[В] 6 часов радио передало, что образован 30/06 – Государственный Комитет Оборона СССР из: Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия. Возбудили порыв к большой работе. Решил поговорить откровенно серьезно с женой — о том, что сидеть и ждать, когда призовут меня, преступно.

Сегодня мой выходной — починил часы... Много читал «Историю дипломатии» том 1 — главу — «Дипломатия Петра I» — читал с увлечением. Прочел дальше о дипломатии Екатерины II — оказывается, она была умная женщина и неплохой государственный деятель — дипломат. Весь день отдыхал и был готов к вызову, но никто не вызвал. В 11 ч. улегся спать, а жена пошла на дежурство по охране дома. Последние известия не утешительны.

2 июля

Радио сообщило — Львов оставлен.

Я организую узловой пункт по информации о состоянии на фронте — с картой. Проверил работу агитаторов — выяснилось — почти ничего не читают, заявляя «все слушают радио и читают сами». Это беспечность — непонимание... Домой пришел в 9 ч. — читал до 11 ч. — спал всю ночь тревожно, в ожидании вызова...

6 июля

Взял выходной. Сходил в баню. Хорошо. Отдохнул — могу на любой вызов... Вечером закончил I том «Истории дипломатии».

7 июля

День прошел как обычно. В библиотеке было людей мало. С началом войны работники станции-узла почти прекратили читать техническую литературу. Об этом я сигнализировал на партсобрании. Все поголовно увлеклись читкой и обсуждением событий на фронтах. Каждый старается «первым» высказать то, что слышал по радио, забывая, что тот, кому он высказывает, уже сам рассказывал об этом же.

8 июля

Прослушал по радио информационную сводку боев на фронтах. Ушам своим не поверил, что — «противник пытался форсировать Днепр и Западную Двину на Полоцко-Витебском направлении». Что это — стратегический отход или отступление под давлением? Не хочется верить, что Красная Армия не смогла остановить кроважанных фашистов на старых границах СССР — что там нет укреплений?

С начала войны Германия с другой стороны потеряла 600 тыс., а за 12 дней потеря Германских войск свыше 700 тыс. Конечно, территория для СССР еще не реш[ающее] пораж[ен] при сохранении армии и боевого духа — патриотизма. Территория может быть освобождена с приростом. <...>

9 июля

[В] 5 часов встал, готовил материал политчаса, сегодня на сборе дружины. Политчас прошел удачно — тема: Сущность Великой Отечественной войны советского народа (в основу взята речь т. Сталина от 3.07.41 г.).

10 июля

Прослушал утренние последние известия, информационная сводка не внесла успокоения. Враг все лезет и кое-где прорывается. Очень часто наши попадают в окружение и героически выходят из этого окружения. Вспоминаю 1916 год, когда мы сражались с немцами в Румынии. Они тогда тоже лезли во весь рост с пулеметами — мы их расстреливали в упор из артиллерии прямой наводкой и из пулеметов. Натиска мы не выдерживали. Правда, у нас не

было уже тогда патриотизма, как сейчас у Красной Армии. Мы тогда с большой охотой отступали. Мы не чувствовали необходимости умирать на румынской территории. <...>

Вечером состоялась лекция «Отечественная война». Николаева собрала 2000 чел.

12 июля

Вчера провели занятие дружины — 2-е, изучали винтовку. Сегодня Михаленко с преподавателем изучал пулемет.... Составил фотомонтаж, посвященный Отечественной войне. <...>

13 июля

Сегодня объявляли по радио о заключении 12/07 договора с Англией. Многие облегченно вздохнули, но некоторые задают вопрос, что англичане не подведут, как Гитлер?

14 июля

Утренние известия: итоги 3-х недель войны [неразборч.] не менее одного миллиона — у нас 250 тысяч чел. У них 2300 самолетов, самолеты уклоняются от боя, уничтожена лучшая дивизия немцев. У нас 1900 самолетов.

17 июля

Встал в 5 ч. утра, не мог заснуть в ожидании утреннего выпуска последних известий. Уже вошло в привычку просыпаться в 6 часов и раньше, чтобы не прозевать информационное сообщение с фронта. <...>

24 июля

Утро 6 часов — последние известия вновь — 3-й раз налет на Москву. <...> Бомбежка Москвы вызывает тревогу и ставит вопрос, почему ты здесь киснешь? Вертится мысль — если мы допустим приближение фашиста к Смоленску, Киеву — он будет их брат. <...>

1 августа

Уже август. В этом году на море был только три раза. В мае и первых числах июня. Все откладывал на 2-ю половину июня, на июль, а тут проклятый Гитлер замутил воду, в которой можно и утонуть, если не перестроишься и его не утопишь. <...>

2 августа

<...> Лег спать с догадкой, что сегодня ночью может быть учебная воздушная тревога.

3 августа

День железнодорожника — в 6.25 поездом на воскресник. <...>

Проснулся в 4.30 на стон жены, походил по комнате, лег обратно, но еще не заснул — вдруг глухо по радио — «Граждане Сочи, воздушная тревога!». Одеваюсь, бегу на сбор место НКВД — прибыл 3-ий по счету. Разыгрывали одно задание — получилось вяло. <...>

5 августа

<...> Днем прибыло два поезда с ранеными ... до 1000 чел. Первые в Сочи — встречал город с цветами — преподносили всем раненым. Они осыпались цветами на носилках. Вся городская власть была на перроне. <...> Большинство красноармейцев добрые — смеющиеся. Большинство ранены в руки. <...> Многие босиком, без рубах — это те, которые дней пять назад были выхвачены с позиций. <...>

10 августа

Не было время заглянуть в дневник за 4 дня — нагромодилось поручений и разной работы. Нет, все же я еще не способен организовать время. Все эти дни подвозили раненых с фронта, уже 10 поездов. Обидно, что до сих пор не дали генерального удара немцам — все лезут, значит находят слабые места. Ну, можно сказать или быть уверенным что это «продвижение» им выйдет боком. <...>

Вечером на агитпункте провел беседу с женщинами на тему «Советская женщина в Отечественной войне». Привел пример Отечественной войны 1812 г., женщин Севастопольской обороны 1854 г. и в современной войне (медсестры, производствен[ницы] и т. д.). <...>

15 августа

Сообщение вчера по радио об оставлении Смоленска поразило меня до глубины. Готов броситься туда, где бы был более причастный. Среди терцев мне место. Надо сообщить [в] Сев[еро]-Кав[казский] воен[ный] окр[уг] для использования на Тереке — здесь занят мелочью — женским делом. Жаль, что жена лежит еще в постели, не на кого оставить сейчас. Здоровую легче оставить. Конечно, если вызовут — придется. <...>

Сегодня опять наши оставили на юго-западном фронте Кировоград и Первомайск — возмутительно. <...> «В чем дело?» — задают вопрос при встрече многие. «Неужто мы слабы? Что же будет, если оставим Киев? За ним не удержат Одессу?» — это же не 1812 г., чтобы строить тактику на оставлении Москвы и т.п. вопросы. При этом задавали вопросы ответственные работники — коммунисты. Присоединившись к возмущению, я пытался поднять дух своей уверенностью, что Киев и Одесса не будет отдана, если Гитлер не применит О.В.¹ — к этому однако надо быть готовым. Надо у нас все население ускоренным темпом готовить к ПВХО².

17 августа

С оставлением Смоленска информбюро стало передавать без указания «направления», а просто «наши войска действуют на всех фронтах». Это совсем выбило всякую возможность ориентировки направления немецких войск: с другой стороны — это сократит политические разговоры среди массы. Переданная декларация Рузвельта и Черчилля и радует и вызывает вопрос, когда же эта помощь будет реальной?

Сегодня я выходной. Ходил на базар. Купил 2 арбуза (первая покупка). Удачно. Жена все болеет. Не сходит с постели.

18 августа

В 6 часов радио сообщило еще одну неприятную уступку на фронте — сдан Николаев и Кривой Рог — Николаевские верфи наши взорвали... Возмущению не было предела. Как это складывается?.. Весь день работал в тревоге... Ответственные работники приходили и спрашивали — «Что же дальше?». <...>

20 августа

Сегодня опять 2 эшелона раненых прибыло в Сочи. <...>

23 августа

Радио сообщило об оставлении города Гомеля — последнего областного города Белоруссии. Но это сообщение не вызвало того состояния, как оставление Николаева и Кривого Рога. Сознание стало побеждать страсть — возмущение, месть спокойно горит внутри всего организма без бахвального внешнего проявления. Хочется, чтобы все живое с оружием ринулось против гитлеровской чумы. Что бы ни делал, мысль все там на фронте — что-то хочется сделать большее — как-то чувствует не на месте. Вспоминаю 18-20-е годы. В те годы я, не зная страха, презирая смерть, выполнял задание партии в тылу белых банд на Тереке, в Азербайджане (Баку), в Дагестане — всюду был первым, десятки раз смерть смотрела в глаза и я ей в ответ. Дерзко плевал и уходил от нее победителем — орден «Красного Знамени» — свидетель моих молодых лет... Но неужели я сейчас не способен?! Инвалид, персональный пенсионер — но разве это препятствие. «Приказ не брать железнодорожников в армию» — это не должно касаться бывшего партизана. <...>

24 августа

Выходной. С утра до 15 ч. занимался по хозяйству — варил обед и кормил жену, мыл пол, посуду, накопившуюся за 5 дней. В 15.30 дал лекарства после обеда и читал (закончил) «Падение Парижа» — Амстронга. Погода стоит прекрасная — была бы здорова жена, купались бы в море. В этом году я был только 4 раза на море и не загорал (война и болезнь жены). Вчера получил письмо из станицы от брата Ивана — пишет «работаем много для обороны, жду скоро возьмут и меня на фронт. Получил по 1/2 килограмма ячменя на труд, день. Много

¹ ОВ — отравляющие вещества

² ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона

в станции беженцев с Запада — все евреи, некоторые работают в колхозах» (!?). Весь день был дома. К вечеру жена расплакалась от боли.

26 августа

Опять неприятное сообщение передало радио — «после упорных боев наши войска оставили город Новгород» — фашистская сволочь лезет на славный Ленинград — факт, что он сломает шею под Ленинградом и оттуда начнет откатываться на Запад. Однако жаль, что если приблизится к городу, который может пострадать, разрушение ценностей мировой сокровищ[ницы]. <...>

Жена со слезами и с трудом сама еле повернулась в постели, скоро 1,5 месяца как лежит больна — нет родственников. <...> У меня лично сильные боли позвонка — это итог борьбы в молодые годы — ранения, ушибы, побои в тюрьме. Вчера исполнилось 49 лет, но работать приходится за двоих. <...>

29 августа

По радио еще сообщили тяжелую весть — «оставили наши войска Днепропетровск» — 28/08. Что же дальше? Что за черт? Теперь враг возьмет направление на Донбасс — Ростов и, гляди, дней через 5—10 начнет бомбить Харьков, Новороссийск?! Что за постановка?! Неужели не концентрируют наши количество где-либо — чтобы получить необходимое качество. В военкомате мне заявил сотрудник «никуда мы вас не направим и на Терек тоже, будете Сочи защищать». <...> Если рассчитывать на территориальные ополчения всюду, то так можно отдать всю Советскую Россию. <...> Надо бросить все в бой и если отходить предполагается — надо на этот случай готовить в глубоком тылу — партизан, чем я занимался в 1918—19 гг. на Тереке в тылу у белых. <...> Сегодня надо написать в крайком Орджоникидзе¹ (как связывает жена больная). Придя домой застал жену в большом расстройстве — до слез от боли ишиаса.

7 сентября

Выходной — воскресенье. Всесоюзный комсомольско-молодежный воскресник. <...>

Был у жены в больнице — за 3 дня она уже почувствовала облегчение. Лечат кварцем и теплыми ваннами. Вид измученный, бледная и под глазами синева! Настроение лучше — хорошее. Побоялся принести фрукты — виноград объявлением главного врача запрещается, а на факте передают все. Жаль, очень жаль, надо завтра отнести что-либо. Вечером был в кино — смотрел картину — «В тылу врага» — хорошая картина, действие происходит в Финляндии, в тылу. <...>

9 сентября

Радио передало информбюро о разгроме 8 германских дивизий на смоленском направлении под г. Ельня в 67 км от Смоленска (на восток) — немцы отступают на запад. Это сообщение дает хорошую зарядку бодрости всему народу СССР. <...>

11 сентября

К утру почувствовал боль в желудке. <...>

Опять мучила мысль «почему я не в армии», но ее сменила другая, возникшая от ужасной боли в поясничном позвонке — «а если я окажусь в армии — буду ли я там полезен при таком состоянии здоровья? Безусловно, для больших походов или слишком утомительных я окажусь в тягость для части. В полит. части при штабе дивизии я, безусловно, был бы очень полезен. Конечно, если бы оказался обстоятельствами в тылу у врага, я бы вспомнил и применил бы старые мои методы партизанской борьбы не хуже других. <...>

13 сентября

Опять неприятное радиосообщение «Вчера после ожесточенных боев наши войска оставили город Чернигов». <...>

Все железнодорожники-ополченцы готовятся к боевому учебному походу в горы 14/09. <...>

¹ Столица Северо-Осетинской АССР.

14 сентября

Радио — «оставлен Кременчуг» — черт знает какая методичность — трудно понять, необходимо это для Киева или вынуждены сдать один за другим на севере Киева — Чернигов, на юге Кременчуг? Со сдачей этих городов кольцо обороны Киева сокращается. <...> Мне казалось, что Кременчуг должен послужить для наших советских войск исходной точкой для удара во фланг противника в направлении Кривого Рога — Кировограда. <...> Неужели еще не накопили сил для этого? Теперь надо полагать, что немцы будут переть на Полтаву. Без Полтавы им не иметь успехов под Киевом и рискованно лезть на Донбасс. Но под Полтавой может быть такой бой, который уже раз записан в истории русского и украинского народа. Будет «Бой под Полтавой», от которого фашисты будут катиться на юго-запад быстрее, чем воды в Днепре. Во всяком случае, в Днепре их много останется. <...>

19 сентября

Получил сегодня зарплату за первую половину сентября 80 руб. 25 коп. — это остаток из зарплаты (100 р. алименты, 15 р. заем, 10 р. фонд обороны). Расплатился с долгами, купил кое-что для посылки Виле. Вот и вся зарплата...

20 сентября

Ночь прошла спокойно. Радио утром ничего существенного не передает. Началась сочинская осень — полил дождь. Нужно одевать галоши, но в галошах нет туфель — все изорваны, а мастерские не принимают в починку — целуй месяц ношу по мастерским и без результата. <...>

22 сентября

6 часов — слушаю позывные сигналы радиостанции Коминтерна, родной Москвы. Уже пора говорить диктору, но он медлит. Мучает догадка о положении Киева, первого града нашей древней Руси. Чудный Киев, славный Киев, ты всегда народом чтим. Тебя любили от последнего крепостного до всесильных царей в прошлом, тебя любят и восхищаются твоей красотой и всем, что ты имеешь и напоминаешь историю Руси сейчас. Неужели ты будешь в руках этих вшивых татей — зверей идущих с Запада, как когда-то шли с востока. <...>

Мысли роятся в голове без конца, а диктор все молчит. Наконец, женский голос зазвучал как всегда, но чуткий радиослушатель мог сразу уловить (как и я) срыв голоса — как бы намереваясь откашляться после переживания тяжелого момента в личной жизни, глотая слюну пересохшей глоткой... Да, сомнения рассеиваются — наверное, оставили Киев. Другой голос диктора мужчины тоже затягивается. Затем натянута, пытаюсь спокойно передать, говорит: «После многодневных ожесточенных боев наши войска оставили Киев»... — Проклятие! Не оправдались мои предположения об организации отпора и контрудара на линии Киев-Полтава. Теперь положение Одессы будет хуже. <...>

В чем дело? Почему не создается фронт на Балканах с участием Турции на нашей стороне? Вероятно рано, но это необходимо в момент развертывания контрнаступления наших войск.

Вечером состоялось парт. собрание узла — обсуждали подготовку к зиме. <...>

23 сентября

Утром по просьбе жены сварил кукурузу — когда же снести в больницу ей? Сегодня надо сдать теплые вещи. <...>

Отправил собранные теплые вещи свыше 50 штук за 4 дня — человек 40 из 200 человек. Жена моя права, посоветовав сдать валенки — я думал, она будет возражать — молодец. Ясно поняла важность вопроса о сборе теплых вещей, она сказала — «надо отдать валенки, если живы будем — будем одеты и обуты. Если погибнуть придется, все пропадет, а валенки делают боеспособным одного бойца зимой против звериной нечисти. Если тебя возьмут на фронт, то также дадут из общего склада».

Что бы еще дать на фронт бойцам? Шарф теплый... Все остальное тонкое летнее, нечего предложить. Была бы жена дома, что-либо продала и купила теплое дополнительно к валенкам.

24 сентября

Вчера на совещании секретарей отметил слабое поступление для фронта теплых вещей. Надо каждого коммуниста вызвать и спросить — что он внес?..

25 сентября

С утра с большим трудом сдал в починку ботинки. Получил пенсию. <...>

Спросил несколько коммунистов — как они участвуют в сборе зимних вещей для фронта, какие сами внесли (что)? Некоторые ведут себя некоммунистически. Провел совещание (беседа) с грузчиками о сборе теплых вещей — на словах все хотели дать для фронта что найдется обязательно что-либо. К вечеру один прораб принес «барахло». <...>

26 сентября

День прошел в суматохе по сбору вещей для фронта — пока все туго вносят за 25/09 внесли 9 чел. — а всего 43 чел. = 25 %. Дают мелочь — до носовых платков — шкурничества еще много среди людей. Врач дал полотенце и парусиновые туфли. Начальник станции простыню односпальную и рубашку — получает зарплату 1200 р. <...>

28 сентября

<...> Из больницы по телефону передали, чтобы взять жену — выписывают надо ехать — везти вещи. <...> Но надо хоть как-нибудь, а если сумею хорошо убрать квартиру, потом поехать. Но как ее привезти — «такси» — 20 руб. К автобусу она не подойдет, еще слаба. Попробовать у Кривоускина взять «пикап». Черт знает что! Вдруг кольнуло в позвонок и я сел — повернулся с кастрюлей круто и вот хоть ложись в больницу, а тут надо ехать за женой. Но как ни больно поясницу, надо убрать квартиру. Вымыл пол, протер кровать «клопомором» и т. д. Спина еще больше разболелась. Но преодолел боль, поехал... В 4 часа пешочком тихо пошли к автобусу. Домой добрались благополучно. <...>

29 сентября

Сводка сбора теплых вещей неутешительна. Собрано 124 вещи — 69 человек из 200. <...>

1 октября

Нет, это безобразие! Еще сдали наши войска город — исторический украинский город — Полтаву. <...>

2 октября

Сегодня утром рано неожиданно постучал почтальон и передал письмо из Рыбинска от Виля. Впервые он в письме делает признание, т. е. называет[ся] «сыном». Это отрадное явление, оно показывает его созревание... Вообще видно из письма, что Виля не тот «Вилька», каким он был первые годы в Сочи. Правда, он в последние месяцы перед отъездом в Москву уже показывал, что он ориентируется в перспективах его положения. Сейчас, надо полагать, военно-техническая школа дала ему ясность на многие вопросы жизни — этому я очень рад. Днем отослал 20 руб. матери, подал заявление в бюро претензий на почте о том, что посланные мною 25 руб. Виле еще 12/08 им не получены. <...>

3 октября

Вечером собралось партсобрание, но провести не удалось ввиду воздушной тревоги, длившейся 15 мин. Собрание перенесли на 6/10. Приходится удивляться до сих пор население не подготовлено для защиты себя, домов и к тушению бомб и пожаров. Например, сегодня по тревоге все больные и здоровые побежали в убежище, а дома бросили, хоть все грабь — некому будет поднять «шум». <...>

4 октября

<...> Утром зарезал перепелку на суп — удивительная птица — жир сплошной. Обед получился славный. <...>

7 октября

<...> Прибыл поезд с ранеными с Перекопа — много матросов — красноармейцы восхищаются нашими новыми пушками, но обижаются, что мало на фронте авиации. Сильные

минометы противника, но они не принимают штыкового наступления. Солдаты «СС»: животы и грудь и каски стальные штык — не берет — наши бьют их прикладами. Когда идем в атаку, то немцы молодежь не выдерживает кричит — «я коммунист руст» — «пошел к черту такой коммунист, бился с нами до последнего — разворачивается и ударяет». Многие из них плачут как дети при захвате в плен. <...>

8 октября

Сегодня напряженный день на станции, специальная военная погрузка — надо мобилизовать бдительность работников. Необходимо решить на узле, чтобы ответственные агитаторы при выгрузке раненых присутствовали на станции, и своим участием разряжать неверные разговоры раненых с железнодорожниками, любителями «новостей» — выпрашивающих все, что происходит на фронте, чтобы потом пресекать раздувание переданных разговоров с ранеными, как это бывает. Агитатор ж[елезной] д[ороги] должен первый знать настроения раненых и их разговоры, чтобы не плестись в хвосте.

Только сегодня мне удалось вывесить лозунг «Кровь за кровь, смерть за смерть», до сих пор на узле не было этого лозунга.

9 октября

Эту ночь спал спокойно — крепко. Даже подумал о том, что мы спим как в мирное время и стало стыдно, — вспомнив о положении красноармейцев на передовых позициях.

В 6 часов радио сообщило опять нерадостную весть — «оставлен Орел». <...> Что за черт — не провокация ли чужого радио? Подошел к карте (физич[еская] учеб[ная]) — смотрю на Орел и удивляюсь — опять прорыв — предательство или стратегический момент из общего плана нашего командования? — не хочется верить, что мы вынуждены под давлением немцев! Когда же и где будет остановка — не видно как-то. Хотя итоги борьбы под Ленинградом и на Западном фронте (частично) подсказывают о скором переломе. Всюду — раненые бойцы прибывают бодрые и уверяют, что если подошлют авиацию на юг — мы врага [неразборч.]. <...>

15 октября

Радио сообщило — оставлен Мариуполь. Враг вторгся в Приазовье, значит Мелитополь тоже взят?.. Значит сегодня надо ускорить вывесить антифашистские лозунги. <...> Соседка сообщила, что получила открытку, что ее ждут в Саратов, заявив, что оставаться нельзя, соседи выдадут. Первая Шиптеева — беспринципная, воровка — хоть и коммунистка. <...>

Вечером с женой просмотрели все барахло и отобрали что можно взять в случае эвакуации. Об эвакуации ходят разговоры, особенно паникеры. Многие командиры, даже коммунисты, вешают головы, приходится различными доводами успокаивать. Жена выделила снести для фронта дополнительно: простыню, полотенце, рубашку, два платка. <...>

16 октября

Произошел разговор с Комаровым об отсутствии оружия для ополченцев. Я предложил ему написать [в] вышестоящ[ие] парт[ийные] орг[аны] об этом — знает ли Сталин, что нет оружия для практических занятий ополченцев? Комаров заявил — «К черту! Я буду за них болеть, мне надоело с ними [неразборч.]». Значит, все почти обречено на самотек в нашем городе. Меня это несколько не удивляет, это я чувствую сам — чего-то не хватает в руководстве. Меня только удручает то, что я старый партизан — участник жестоких боев 1-й империалистической войны и гражданской — в решительные дни буду бродить без оружия. Придется наточить и смазать свой казачий кинжал, служивший мне не раз защитой, которому исполнилось 30 лет.

17 октября

Жена принесла «срочную» повестку от военкомата о «немедленной» явке для отправки на фронт. Явился в 13 ч., но не взят «пока»!

18 октября

7 часов — г. Сочи. Ясный день. По радио сообщили, что вчера закончена эвакуация Одессы. <...> Стала вплотную задача обороны Северного Кавказа и Ростова. Но ополченцы еще обучаются «теории» ведения войны. Комаров и др. командиры и руководители волнуются.

Заметна какая-то неопределенность, вызывающая у всех пассивность. Хорошо, что секретарь узлового парткома т. Комаров проявляет (по крайней мере внешне) невозмутимость [и] спокойствие. Это очень важно. Даже пусть он малоинициативен, но гораздо хуже, если бы сейчас был не Комаров, а кто-либо другой — не умеющий держать себя в рамках спокойствия. Сегодня отправлено два эшелона на фронт в 14 ч. — молодежь — 1922—23 годов, вечером — взрослых годов, с которыми я должен был также покинуть Сочи и свою больную Паню. Но остался «пока», как сказал вчера тов. Федоров, начальник III части военкомата.

На проводах ужасное зрелище — поцелуи, слезы женщин, напутствующих своих родных — сынов, мужей и братьев. Множество громких рыданий, отчаявшихся женщин с причитаниями — «ой родимый мой, вернешься ли ты — убьет тебя злодей...».

Уходя с вокзала после отправки последнего эшелона в сторону Туапсе — Армавира и слышавшая вопли женщин с болью в сердце и злобой, мы — Комаров, [неразборч.] и я, не выдержав, разразились бранью по адресу кровожадного фашизма, который (война) вызвала слезы и страдания подобные нами виденным по всей Европе и в СССР — сотни миллионов переживают страдания в страхе от усиления их без конца. Как могло случиться, что прогрессивные и демократические силы позволили фашизму Гитлеру подготовить такую [неразборч.] войну. Почему СССР не ударил в спину, когда он вторгся во Францию — что за благородство у большевиков в отношении людоедов, когда стесняются первыми нарушить договор — надо бы быть хитрее Гитлера ... С такими разговорами мы дошли до своего дома.

19 октября

Воскресенье. Я работаю — завтра выходной. Паня ушла в 7 ч. 40 м. на толкучку — понесла старое пальто, пинжак и др. мелочь, для того чтобы поддержать «бюджет». Питание для больной слабое, запасов никаких, а зарплата за первую половину октября что-то задерживается.

20 октября

Объявлено постановление сов. обороны о введении «осадного положения» в Москве и прилегающих районах. <...> Секретарь Комаров о постановлении сов.обороны до вечера не знал — пока я ему не сообщил. Я предложил завтра провести митинг, посвященный обороне Москвы — с зачитанием постановления. В 20—22 — совещание секретарей по вопросу подготовки к зиме [неразборч.]. После совещания проиграл «мат» Комарову. <...>

21 октября

<...> Получил письмо от Вильки — пишет, что посылку получил, доволен, особенно чесноком, сливами, яблоками и книгой — Разгон об Орджоникидзе.¹ <...>

22 октября

Сегодня в 12 ч. была воздушная тревога. Через 20 мин. пролетел черный самолет с моря и направился через хребет на восток. Паники не было, но и организованности было мало — недостаточно. Шкоденко, прочитав книгу Разгона об Орджоникидзе и Кирове на Северном Кавказе, где прочел странички о моих партизанских делах в 1918—20 гг., удивился и упрекнул меня в ложной скромности за то, что я сижу в Сочи, когда мог бы выполнять большую работу на Тереке. На эту же тему говорил с женой, которую не радует выезд на Терек. «Не зовут тебя — зачем же ехать!».

23 октября

Вчера оставлен город Таганрог. Враг рвется к Сталину и Ростову. Еще вчера распоряж[ением] упр[авления] прекращ[ен] прием багажа по билетам в сторону Армавира.

Пока утром, придя с дежурства, спал, Паня принесла 6 литров керосина, говоря: «Может пригодится тебе для поджигания фашистских танков когда будешь в [неразборч.] партизанах». Это мне понравилось, чувствуется в этом, что и женщины подготовлены к серьезным испытаниям. <...>

¹ Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917—1920 гг. М., 1941.

27 октября

<...> Приехал из Москвы тов. Ладатко с котомкой, наполненной картошкой. Ехал через Сталинград. Пути заполнены войсками и эвакуированными заводами. <...>

Моя хозяйка Паня топила плиту, настряпала столько вкусных блюд — чуть не объелся, а главное блюдо — жареная картошка на постном масле. <...>

28 октября

Прекрасная солнечная погода — хочется дышать. Радио передает об ухудшении морального и физического состояния немецких солдат — вшивые, чешутся, без белья, изможденные, пьяные, инвалиды и т.п.

Читатели почти не берут техническую литературу — забавляются разной беллетристикой. Железнодорожники друг у друга взаимно информируются о «новостях» из Армавира — слухи нелепее других — каждый воспринимает по-своему.

30 октября

Радио — Харьков оставлен вчера по стратегическим соображениям — враг потерял 120 тысяч. Под Ростовом части «СС» топчутся на месте — их бьют наши. Под Ленинградом наши перешли на правый берег Нарвы. <...> В 4 часа пролетающий где-то за облаками самолет вызвал воздушную тревогу, длившуюся 40 мин. <...>

31 октября

На закрытом партсобрании меня избрали секретарем парторганизации. Заместит[ели] Чепурьшкин и Ладатко. <...>

4 ноября

<...> Пришел домой — дома повестка. Жена не выдержала, залилась слезами и начала упрекать, что я это сам напросился, пусть бы здесь в госпиталь назначили — говорит она — как же ты больной без моей помощи, без квартирного отдыха сможешь работать. Почему здоровые лоботрясы еще гуляют... Много пришлось на эту тему говорить и утешать, но женское сердце не поддается... Она только что из больницы, еще не окрепла, а тут расставаться. Лично я уже скрепил сердце и готов выполнять любое боевое задание. Ведь такой напряженный момент никому не дает право унижать себя и доказывать, что ты настолько болен и не можешь быть в рядах армии отечественной войны. Жаль, конечно, покидать одну жену без родных ни с ее, ни с моей стороны, еще слабую и без определенного прогресса, но ничего — не пропадет в советской стране... Завтра к 12 ч. решится окончательно.

5 ноября

День тяжелый. Сборы к отъезду на фронт, хотя неизвестно, что скажет Армавирская комиссия. Возможно, что освободят. Весь день пришлось выслушивать сочувствие работников узла по поводу отъезда. Многие не верят, что я буду послан на фронт. <...>

Домой пришел к 19 час. Пообедал. Жинка еще раз всплакнула. Остается еще час до отхода поезда — в 21 ч. 29 м. отход. Какое-то безразличное настроение! А может быть, я в последний раз в Сочи и в этой квартире пишу эти строки? Но нет! Все же я допускаю возвращение для «сдачи дел»... А может быть, комиссия запишет «в отставку»? Если признает годным и будут посылать в часть, то попрошусь где больше терцев. Я пишу, а жена с тревогой смотрит в мою сторону, подперев подбородок. Как жаль этих женщин — нежно-тоскующих, любящих, жалеющих. Подсчитала деньги — оказалось 490 руб.

9 ноября

Вчера вернулся из Армавира «в распоряжение военкомата». <...> В Армавире мы политуры прошли две комиссии — отборочную 6/11 и по назначению — 7/11. Вторая комиссия освободила и направила обратно в распоряжение Соч[инского] горвоенкомата с пожеланием батальон. комиссара — уполномоч. ПУКР из Москвы — «пока поезжайте и отдыхайте, у нас еще много молодых и здоровых людей. Вас надо еще побереечь», пожав на прощание мне крепко руку. <...> К 19 ч. пришел домой в натопленную квартиру — в тепле дома хорошо. Паня постаралась. Она «довольна», что я вернулся. Я тоже.

16 ноября

Сегодня выходной. Выспался за вчерашнее. Были с женой на утреннем спектакле в театре — смотрели «Свадьбу в Малиновке» Ростовскую МУЗ Комедию. Хорошая вещь — смотрел с удовольствием. Немного холодно было в театре — народу было мало, до 75 % заполнено. <...>

Погода прекрасная — солнце, как весной. Вдоль берега носится с ревом гидросамолет (наш).

18 ноября

В 8 ч. был у Федорова в военкомате по повестке. Дома застал в 9 ч. соседок. <...> Обсуждали о женах наших вождей-руководителей — высказали пожелание, чтобы в газетах опубликовали фото их и биографии.

20 ноября

С утра пошел в гарнизонную врачебную комиссию по направлению горвоенкомата для освидетельствования на предмет годности для посылки в часть. Три врача раздетого наголо гоняли по залу, закрывали глаза, били молотками по пяткам, икрам, коленкам и др. местам, — кололи иглами все что доступно им, сопровождая изобилием вопросов... Видно было, что они не желают признать «негодным», и я уже решил, что признают годным полностью вместо «ограниченно годным», как было признано двумя комиссиями. Одевшись и взяв направление военкомата, вышел на улицу, развернул направление и прочел на обороте заключение врачей за тремя подписями: «на основании ст. 57.2 приказа НКО № 184-1940 года тов. Дьяков А.З. к военной службе негоден». <...>

Так кончилась моя военная карьера старшего политрука. Завтра пойду в военкомат к Федорову для оформления. Узнав о заключении комиссии, жена очень обрадовалась. Мне же было тоскливо, как будто что-то потерял... На станции об освобождении сказал Марусе Барабаш, которая выразила неподдельную радость. Затем разговаривал с Комаровым, Рычановым, Лысенко — заметно старались сдержать свое отношение. <...>

21 ноября

Военкомат снял меня вовсе с учета. С утра направился на станцию с тем, чтобы оттуда автобусом подъехать к военкомату. Начальник ИЖР тов. Ментиков Филипп Карпович, узнав, что я «забракован» и снят с учета, сказал «ну вот теперь ясно, что ты нуждаешься в хорошей палке — на, да ходи бодрей, не унывай, мы и такие еще пригодимся, даже если случится встретиться с фашистами на сочинской земле» снял с крючка висевшую из красного дерева с шамшитовой ручкой палку и преподнес мне с особой подчеркнутостью уважения. Тов. Ментиков, оказывается, так же снят с учета (по туберкулезу). Палка очень кстати — была у меня год назад хорошая палка, но где-то осталась и пропала.

В военкомате Федоров с облегчением произнес — «ну вот теперь ты свободен», заполнив последнюю страницу воинского билета о снятии с учета, любезно попрощался. По пути возвращаясь на работу, в городе застала меня тревога, продолжавшаяся 45 минут — я все же по глухим улицам (набережной) дошел до парткома — штаб ПВО — объекта станции, где застал руководителей в сборе за игрой в домино (Комаров, Лысенко, Рычанов и Ситенко). <...>

22 ноября

Сегодня исполнилось 5 месяцев Отечественной войны, а враг все лезет несмотря на большие жертвы. Из радиосводки — противник несет большие жертвы. Жена сообщила разговоры женщин (жен коммунистов) о том, что Скляр, уполномоченный трансторгпита, снабжает ряд работников за счет железнодорожников — например Ощепкову делопроиз[водственный] отдел ж. д. НКВД — выдал сотню яиц по 4 р. 50 к. — на рынке 7 р. да и то их нет. Железнодорожникам выдают только по 5 штук. Комаров тоже получил и получает в таком же порядке, поэтому он не принимает мер по упорядочению торговли ларьков трансторгпита. <...>

24 ноября

По радио хорошие новости. Под Ростовом враг понес большое поражение.

Другого итога боев под Ростовом с 20/11 я не ожидал. <...> Командование не могло допустить падения Ростова любой ценой. Инстинкт и небольшое понятие о состоянии фронтов вообще у меня, как у старого партизана, подсказал такой итог. Поэтому сегодня я всю ночь спал как в мирное время в тепло натопленной Панюшкиной квартире. Многие вчера вечером выражали беспокойство, поверив болтовне о взятии немцами Ростова. <...>

Переданный по радио закон о налоге с бездетных вызвал различные толки среди населения. <...>

В баню не пошел, потому что Мара принесла картинку льва, которую я просил для моих художников, которые по моему предложению решили нарисовать на фанере плакат льва и котенка в духе речи тов. Сталина 6/11 — на моск[овском] сов[ещании]. Нет только кота. Сел и стал подбирать слова к этому плакату и задержался до 4-х часов. Сочинил целое «стихотворение»:

Гитлер партию создал
из воров и варваров:
Знамя черное поднял
против пролетариев.

Но немцы-дурачки — судачат,
Гитлер схож с Наполеоном,
но на деле это значит,
как котенок схож со львом.

Покорить весь мир решил он,
Позу львиную принял,
и как француз Наполеон
на Москву банды погнал.

Но Москва, как встарь бывало,
ополчилась на врага —
— Руки прочь! — она сказала —
Нам свобода дорога!

Гитлеру уже не спится,
ему снится фронт второй,
Зима «русская» глумится
Над фашистскою ордой.

Под сенью знамя Ленина
народные полки идут,
идут под знамя Сталина
и вражьи орды бьют. <...>

Пообедав, лег отдохнуть и заснул до 20 ч. Так из квартиры весь день не выходил. Паня сшила из красной материи для слов Сталина из речи 6/11.

26 ноября

Читал журнал «Новый мир» № 6 — статью Константина Федина «Двадцатые годы» (из книги «Горький среди нас») — воспоминания. Читал с увлечением, люблю такого рода материал — о Горьком особенно увлекательно получается. Пока не закончил — клопы одолели, пришлось встать и гонять их. <...>

Последние известия по радио передают, что особенно жестокие бои идут на Волоколамс[ком] [неразборч.]. Значит попытка глубже обойти Москву с флангов — стервецы вшивые! О Ростовском фронте (участке) что-то не сообщали. <...>

29 ноября

<...> Ночью были в квартире 2 милиционера, проверили паспорта.

30 ноября

Выходной. Собирался в баню в 8 часов, но пришлось пойти на вокзал в 7 часов, чтобы провести митинг по поводу успехов Красной Армии под Ростовом. Провел — 21 человек. Принята резолюция — телеграмма бойцам на имя командующих Ремизова и Харитонова. <...>

В баню все же сходили вместе с Паней. Причем большая очередь, особенно женская — я попал через 10 минут, Паня через час — я уже вышел из бани. <...>

4 декабря

С досадой прослушал последние известия по радио. Уже пять дней как наши войска изгнали врага из Ростова, но мало (мне кажется) передают о продвижении вперед. Значит, он укрепился прочно перед Таганрогом. <...> Наконец в 8.30 сообщают, что бои идут на подступах к Таганрогу, враг на помощь снял две танковые дивизии с Перекопа. Так и хочется, чтобы скорее, скорее бы наши славные бойцы заняли Таганрог, Мариуполь и гнали бы его до Днепра — дальше. Это поможет Московскому фронту опрокинуть врага и нанести главный разгром врагу. <...>

5 декабря

<...> Радио ничего существенного не передало — впечатление паршивое — еще не видно нашей готовности для генерального контрнаступления. Успехи под Ростовом подняли было настроение, но на общем фоне наших фронтов начинают бледнеть — 6 дней прошло после освобождения Ростова, а Таганрог еще в руках немцев. <...>

На дворе много снега, но мороза нет. До сих пор не выслали зарплату за ноябрь мне. Если бы не пенсия, совсем был бы провал дома. <...>

Вечером собрание почти не состоялось — провел для формы. Было 30—35 человек — из 60—70 ожидавшихся. <...>

11 декабря

Вечером в 6 горком парт[ии] утвердил меня секретарем.

13 декабря

Пытался вспомнить за 11—12 число и записать в дневник, но ничего не выходит, следовательно, надо не лениться писать ежедневно и все, что в голову лезет — вернее из головы от полученного впечатления за день. Днем 11/12 провел актив работников по поводу сбора теплых вещей для фронта — нет, вовсе не 11, а 10-го, организовал 4 бригады для разъяснительной работы в бараках — домохозяйкам, но вчера, проверив, установил, что бригады не работают и с Лысенком (Ганизина и Немец) дискуссияют о «нецелесообразности хождения по баракам», — в то же время сами конкретно ничего не делают. <...> К этому вопросу относятся индифферентно, отговариваясь — «нет время» — а для флирта (Ганизина 12/12 со Шкаденко) шляются по городу весь день — вот тебе коммунисты.

Встал сегодня 13/12 в 8 ч. — в постели прослушал трижды радио-информбюро о разгроме под Москвой врага. <...> Противник отступает — это начало разгрома врага под Москвой. Задача теперь вытекает восстановить жизнь в этих населенных освобожденных пунктах — вернуть население, а может быть поселить новых людей? Днем в библиотеке мало людей — я читал Шекспира «Макбет» — что значит честолюбие и роль женщины. <...>

14 декабря

Воскресенье — я выходной — иду в баню — погода хорошая. Паня тоже пошла в баню — из бани зашли на базар. Купили соленых помидор, репчатого луку и яблок кислицы — бедно стало на базаре. Яблоки хорошие — 10 руб. Хурма, орех, чернослив — тоже 10 руб. В бане интересный спор одного старика с красноармейцем из-за шкафчика — красноармейцу указал шкафчик банщик... старик в это время уже разделся, но не занимал раньше, а когда красноармеец намеревался сложить туда шинель старик обрушился на него и на банщика — «что это за привилегия, я тоже имею такое же право на этот шкаф, я на трех войнах был, у меня два сына в армии, а вы гоните из шкафа, какой же это почет старикам — как говорится в нашей конституции». Так и не уступил — все смеялись — красноармеец не спорил и даже сконфузился.

Сегодня в ж.д.клубе наша ополч. рота узла будет принимать присягу.

После бани весь день был дома — читал и спал. Вечером Астафьевы принесли на вечер к нам своего сына Женю 2 года. Потешный паренёк. Сами пошли в театр смотреть «Фиалку Монмартра».

15 декабря

Опять дождь, а Паня вчера выстирала белье и намерена была сегодня сушить. <...> Сегодня надо провести митинг о победе под Москвой и собрание о денежно-вещевой лотерее. <...>

Ежедневно слушаю разговоры жены и соседок, а также на работе об анекдотических рассказах об эвакуированных — многие жили в привилегированных условиях, а теперь не переносят условия скученности в бараках, в квартирах с земляными полами, грязные станицы без тротуаров, питание в основном кукурузными лепешками и т. п.

На днях произошел случай по рассказу Мары и Жени (Астафьевых). Два матроса вечером вошли в киоск с водой, где торговала хорошенькая девочка — они настойчиво (пользуясь темнотой и светомаскировкой) требовали от нее «любви», упрекая ее, что они-де, мол, «воюют», а она несознательная жалеет своей «ласки» и со словами — «теперь все для фронта должны отдавать» — схватили ее и пытались что-то сделать, но она закричала и они бросились... Это следствие вина, которого в Сочи много, а борьбы с пьянством отдельных бойцов почти нет, хулиганство среди раненых имеет место. <...>

17 декабря

Вечером профсобрание. Слушали о проведении денежно-вещевой лотереи. <...> Решили подписаться на 25 % зарплаты — характерно, что сегодня я построил порядок так, что активность поднялась снизу. <...>

18 декабря

На 18/12 подписалось на денежно-вещевую лотерею 53 человека — 2500 р. внесли, наличными 901 р. <...> Состоялось кино — разгром Юденича — народу было больше, чем стульев. <...>

19 декабря

<...> Немцова привезла зарплату за ноябрь — 160 руб. Проверяли выполнение годового плана, завтра — остальные книги и передвижки. Разговорились об удержаниях зарплаты, пришлось рассказать историю о разводе и алиментах. <...>

21 декабря

Письмо Виле опять вчера не отослал — небрежность, хоть вчера весь день был занят сильно в связи с приездом начальника [неразборч.] — Немцовой Юлии Алексеевны. Видать, хороший товарищ и дело знает. Проста и умна (слегка наивна).

По радио передано, что вчера освобожден Волоколамск. Под окном паровозные свистки впервые услышал за шесть месяцев — как-то радостно. Паня даже перекрестилась шутя от радости. Сегодня родился тов. Сталин — 62 года. Надо провести читку о Сталине, а завтра собрание с докладом. Выступал днем в клубе перед началом сеанса о рождении Сталина, присутствовало до 60 ребят.

22 декабря

Как только встал — сразу почувствовал скованность головы — насморк, однако надо встать, покушать и подготовиться к докладу сегодня на собрании рабочих станции — 62 год Сталина. <...> Пришло на собрание только 21 чел. (это из 115 чел. коллектива). Это небывалый случай. Погоревали и решили созывать собрание всегда в 17 часов, т. к. в 19 ч. стали ходить мало. <...>

23 декабря

Вчера исполнилось полгода войны. Немцы катятся назад.

Сегодня проснулся в 6 ч., встал в 7 ч. Слушал по радио последние известия и письма на фронт. Под впечатлением радиопередачи сегодня возникла мысль — написать пьесу для малой сцены о жизни ж.д. станции в период Великой Отечественной войны на местном мате-

риале (личные наблюдения и в прокуратуре). На нашей станции нет выдающихся примеров или я не имею опыта их выявлять. <...> План пьесы:

1. Первые дни войны: затемнения, тревоги. <...>
 2. Речь Сталина — в ответ создан[ие] ополчения. <...>
 3. Охрана станции — караул, охрана объекта. <...>
 4. Удар по врагу под Ростовом, Тихвином, Ельцом, Москвой. <...>
- Свет на станции, гудки паровозов — всеобщая радость.

С Титаренко организовали военный уголок в агитпункте. Днем была воздушная тревога в момент налета фашистов на Туапсе. В Туапсе сброшено около 20 бомб, выведено из строя 2 стрелки, свален паровоз в воронку. <...>

24 декабря

<...> Днем опять была воздушная тревога, на Туапсе, вернее через Туапсе пролетело два бомбардировщика. <...>

25 декабря

До 9 ч. 30 м. готовился к партсобранию, на котором будем слушать 4—5 коммунистов — как они работали над собой и их авангардной роли в период Отечественной войны. <...>

Подвел итог подписки на денежно-вещевую лотерею на 25/12:

1. Штат для охвата людей — 115.
2. Охвачено — 109 чел.
3. Не охвачено 6 чел., из них 4 больны и 2 отказали.
4. Отказавшиеся ... оба низко оплачиваемые.

Всего подписалось на 6020 р. <...>

26 декабря

Утро темно, мрачно. До 9 ч. дождь льет всю ночь. Моя Паня опять заскрипела — заболела поясница, не может встать... В квартире холодно до мозга — противно. Согрел чай и завтракал один...

К однообразному известию по радио про движение наших войск и освобождение десятков и сотен населенных пунктов уже привыкли, почти не слушаем. Странная человеческая натура, хочется уже еще о более грандиозных победах Красной Армии слушать — кружится голова от первых успехов и хочется молниеносного движения на Запад.

В 9 ч. 50 м. уже на работе. Сегодня развешен по городу приказ горвоенкомата майора Журбы о воинском переучете всех военнообязанных рожден[ия] от 1923 до 1915, т. е. от 18 до 50 лет. Сегодня же многих повестками вызвали и взяли в армию — Кучин, Поповский и др. Поповского оставили по ходатайству начальника станции.

Поповский в разговоре сказал: «Завтра опять пойду на переучет, возможно опять возьмут... Да в армии я бы лучше чувствовал, чем дома — я не вижу ни одного дня спокойного — работа, ополчение — караулы, патруль и т.д. — а все же не считаюсь красноармейцем — а там бы «пан или пропал», как говорится — знал бы свое место. Все равно не усидеть дома, война усиливается».

31 декабря 1941 г.

После совещания актива зашел в парикмахерскую, где застал Немца, Коржова, Квача и др. Побрился и я. К 9 ч. вечера пришел домой — Паня стонет и возится у плиты — всего наготовила, можно и Новый Год встречать. <...>

В 10 ч. сосед т. Дикопольцев пришел с работы. К нему зашел машинист т. Еремин. Собрались встретить Новый Год — достали бутылку водки и две бутылки вина. Позвали меня и Паню. <...> Пришли Алексеевы — Володя и Нина — соседи. Только расположились — пришел ко мне т. немец, достал «шкалик», чтобы посидеть у меня под Новый Год. <...> Одним словом, не собираясь, оказались участниками хорошей компании по встрече Нового Года, пили, ели, пели, танцевали, дурачились допьяна. В 12 ч. мне дали слово о прошедшем 1941 и с 1942 г. Разошлись в 9.30.

(Продолжение следует).